

евреевъ,—меня порадовало то, что Левъ Николаевичъ сталъ близокъ къ дѣлу колонизаціи, и что, можетъ быть, теперь, наконецъ, это святое дѣло приметъ радостный, высокій оборотъ.—Я тотчасъ отправилъ ему письмо съ запросомъ объ американцѣ, о томъ, стоить ли къ немуѣхать. Левъ Николаевичъ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

„Американецъ-еврей, проповѣдникъ, прїѣхалъ ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы русскимъ евреямъ отвели землю для колонизаціи въ Россіи. Они же въ Америкѣ соберутъ капиталы для обзведенія этихъ колоній и пришлютъ руководителей.—Планъ хороши, но сомнительно, чтобы правительство согласилось. Все-таки я имъ выразилъ свое полное сочувствие и далъ записку къ вамъ, думая, что вы можете ему дать хороший совѣтъ. Ёхать вамъ къ нему не стоитъ. Человѣкъ совсѣмъ чуждый по духу. Онъ оставилъ мнѣ книжку своихъ проповѣдей, въ одной изъ которыхъ доказывается, что не слѣдуетъ подставлять другую щеку и отдавать кафтанъ, а слѣдуетъ показать кулакъ и кнутъ, чтобы васъ не ударили еще и не взяли кафтанъ.

Прощайте пока, привѣтъ нашимъ друзьямъ. Любящій васъ *Л. Толстой*“.

Такъ я и не поїхалъ къ американцу. Миссія его, какъ извѣстно, не увѣнчалась успѣхомъ, и это огорчило Льва Николаевича.

— Что-то возмутительно-нелѣпое,—сказалъ онъ,—лежитъ въ этомъ дикомъ упрямствѣ одичавшаго чиновничества, которое со свирѣпой послѣдовательностью мучить и угнетаетъ уже и такъ измученный еврейскій народъ. Что мѣшаєтъ этимъ бумажнымъ департаментамъ Петербурга дать возможность истомленному народу вновь взяться за свою старую, давнюю и такъ глубоко чтимую имъ земельную работу. Вѣдь важно только отвести какой-нибудь уголь или, не отводя угла, просто разрѣшить повсемѣстное селеніе въ деревняхъ земледѣльцамъ-евреямъ, и окоченѣвшіе ноги засидѣвша-